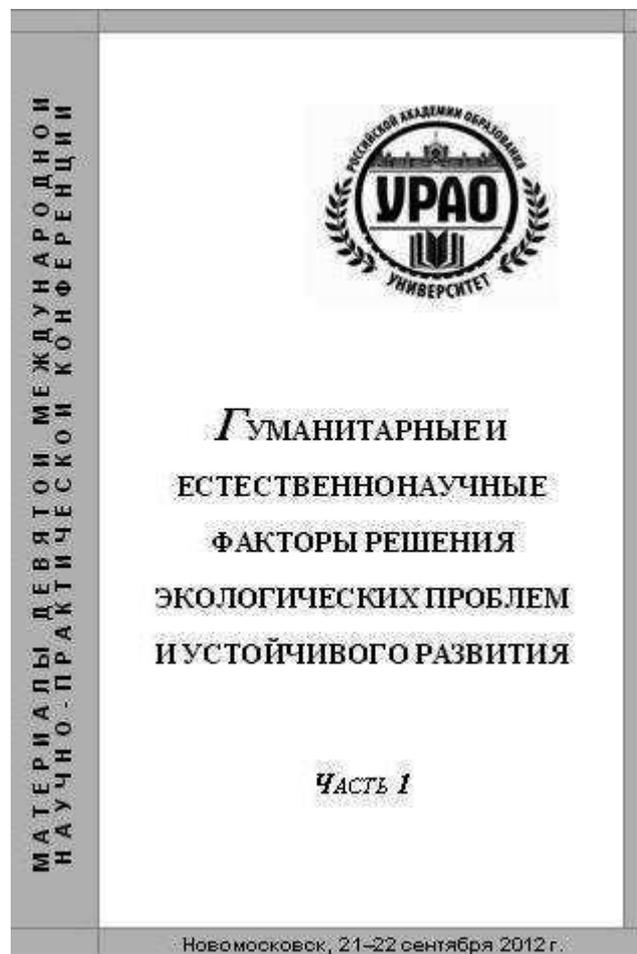

Кулясов И.П. Институционализация устойчивого лесопользования в России // Гуманитарные и естественнонаучные факторы решения экологических проблем и устойчивого развития. Ред. С. Шульмин, Н. Михалюк, В. Сидорчук, Г. Петрова, Д. Ермаков. Новомосковск: Новомосковский филиал УРАО. 2012. Ч. 1. с. 73-89.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УСТОЙЧИВОГО ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

Кулясов И. П.
ЦНСИ, г. С.-Петербург

Статья написана на основе исследований и экспедиций, проводившихся с 2003 г. в рамках нескольких международных проектов, а также экспертной работы [1]. Исследования проводились в Санкт-Петербурге и Москве, Ленинградской, Вологодской, Архангельской, Иркутской обл., республиках Карелия, Бурятия и Адыгея. Для сбора эмпирического материала использовались качественные социологические методы – case study и включенное наблюдение*. В статье дан анализ продвижения международных практик устойчивого лесопользования и их институционализации в России. В качестве примера выбрана добровольная лесная сертификация по схеме Лесного Попечительского Совета (FSC). Этот пример показателен, поскольку именно практики FSC являются реальным механизмом внедрения принципов устойчивого лесопользования (sustainable forest management).

Понятие «устойчивое лесопользование» имеет глубокие корни в лесоводстве, как России, так и зарубежных стран. Однако современная интерпретация этого понятия возникла после Международной конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., когда на уровне государств, экспертных сообществ

* Case study и включённое наблюдение это эмпирическое исследование различных источников информации, которое изучает феномен в существующем контексте, когда нет границ между исследователем, феноменом и контекстом.

и организаций гражданского общества было принято решение о необходимости перехода человечества к устойчивому развитию (sustainable development). Последнее понимается как развитие, сбалансированное с точки зрения экологии, экономики и социума; гармоничное развитие общества и природы с учётом интересов будущих поколений; соизмерение социально-экономического развития с возможностями природной среды к восстановлению и ассимиляции, учёт адаптивных возможностей природы и местных сообществ (adaptive capacity).

Концепция устойчивого развития явилась ответом на утвердившиеся в прошлом представления об экономическом развитии, его факторах, показателях и механизмах, которые не обеспечивали адекватных решений актуальных проблем общественного развития в условиях нарастания экологических проблем. В современных условиях экономическое развитие уже не могло рассматриваться без учёта экологических реалий. Экологические блага превращаются в разновидность экономических благ, а экологические потребности приобретают чёткое экономическое содержание. Возможности экономического роста тесно переплетаются с проблемами экологических ограничений. В то же время мощные трансформационные процессы в мировой экономике, основой которых выступает смена технологий и способа производства, разворачивающийся процесс гуманизации и экологизации экономики, требуют новых подходов [2].

После конференции в Рио-де-Жанейро интерпретация понятия устойчивости стала разрабатываться для различных сфер социальной деятельности и секторов общества. В рамках этого процесса были выработаны принципы устойчивого лесопользования, которые должны были стать основой для международной Конвенции по лесам [3]. Однако из-за принципиальных различий интересов стран на уровне глав государств Конвенция по лесам так и не была принята. В то же время изложенные там принципы устойчивого лесопользования стали основой для негосударственных некоммерческих нормативных систем и кодексов. Примером служит международная добровольная лесная сертификация, в первую очередь по схеме FSC, которая продвигается альянсом сетей организаций гражданского общества и ассоциациями социально и экологически ответственных компаний [4].

В 1993 г. в Хельсинки в проекте Декларации Конференции министров были даны основополагающие понятия и определения устойчивого лесопользования – это управление лесами и лесными площадями (forest governance) и их использование таким образом и с такой интенсивностью (forest management), которые обеспечивают их биологическое разнообразие (biodiversity), продуктивность (productivity), способность к возобновлению (resilience), жизнеспособность (sustainability), а также способность выполнять в настоящее время и в будущем соответствующие экологические, экономические и социальные функции на местном, национальном и глобальном уровнях без ущерба для других экосистем (non-vulnerability). Лесные ресурсы и лесные территории должны использоваться на устойчивой основе для удовлетворения социальных, экологических, экономических и культурно-духовных потребностей нынешнего и будущих поколений человечества.

Одной из проблем институционализации устойчивого лесопользования в России является расхождение между старыми общепринятыми практиками лесопользования, сложившимися в советский период, и новыми международными критериями и практиками устойчивого лесопользования. Это различие можно проследить при анализе государственных законов и нормативных документов, документов лесных компаний, FSC и других общественных организаций, а также самих практик лесозаготовок. При этом важным является анализ дискурсов экспертов в лесной области –

представителей общественных организаций, госорганов управления лесами, менеджеров управляющих лесных компаний и работников лесозаготовительных предприятий, научных консультантов и аудиторов. В статье также будут проанализированы факторы (барьеры и стимулы) внедрения в России устойчивого лесопользования.

Теоретической рамкой статьи выбрана теория проторенного пути (path-dependency). Данная теория различает две тенденции в развитии социальных институтов. С одной стороны, социальные институты, присущие данному обществу, постоянно воспроизводятся на пути его развития и препятствуют собственной трансформации или появлению новых институтов, что создаёт эффект движения по одной и той же «колее». С другой стороны, эта теория предполагает, что благодаря деятельности различных социальных акторов, можно выйти из «колеи» (path shape) и пойти новым путём. Для этого важно, чтобы социальные акторы создали новое сильное направление движения, которое приводит к созданию новых институтов. Таким образом, происходит «раскачивание» старого пути («path-shaping») и выход на новый путь, формирующий новую «колею» [5].

Существующая с советского периода практика лесопользования в статье будет рассматриваться как движение в рамках проторенного пути. В этот период основным социальным институтом, определяющим практику лесопользования, было государство. Оно определяло её через законы и нормативы, планирование и финансирование лесохозяйственных структур. В нынешний период рыночных реформ государственное законодательство, определявшее практику лесопользования, подверглось влиянию рыночных требований [6]. С одной стороны, эти требования выражались в рыночных потребностях в древесине и максимизации прибыли, с другой – в глобализации рынка и появлении новых международных требований устойчивого лесопользования [7]. Переход к практикам устойчивого лесопользования в России, выраженный в добровольной лесной сертификации по схеме FSC, является попыткой выхода с проторенного пути.

Институционализация практик устойчивого лесопользования будет проанализирована также с помощью теории экологической модернизации (ecological modernisation) [8], приводящей к расширению адаптивных возможностей лесных экосистем и местных сообществ. Экологическая модернизация это изменения в соответствии с новейшими, современными экологическими требованиями и нормами, выполнение которых ведёт к устранению проблем между человеком и окружающей средой, обществом и природой. Глобальные природные изменения в последние годы вынуждают локальные сообщества искать и использовать новые адаптивные возможности, которые часто связаны с основными факторами развития общества [9]. Они подразумевают те же условия, которые рекомендуются для достижения устойчивого развития. Экологическая модернизация является одним из основных механизмов устойчивого развития [10].

Теория экологической модернизации гармонично вписывается как в концепцию устойчивого развития, так и в концепцию адаптивных возможностей. Концепции устойчивого развития, экологической модернизации и адаптивных возможностей применимы для поиска новых путей выхода из социально-экологического кризиса. Их можно использовать для решения проблем на локальном, национальном и глобальном уровнях, уменьшая экологические риски и чувствительность социально-экологических систем к негативным воздействиям.

Дискурс о сложившихся практиках лесопользования в России. В настоящее время внедрение принципов устойчивого лесопользования в практику только начинается. Современная общепринятая практика лесопользования российских лесозаго-

товительных предприятий не является устойчивой, поскольку экономические интересы всецело преобладают над экологическими и социальными. Эта ситуация была сформирована, начиная с советского периода. Таким образом, деятельность многих российских лесных предприятий, несмотря на внедрение новой техники и технологий лесозаготовки, развивается в рамках проторенного пути. Опираясь на интервью с работником лесной отрасли, проработавшим 40 лет на Северо-Западе России, будет показано, как в дискурсе конструируются практики лесопользования советского периода и настоящего периода реформ.

Цель советского лесного хозяйства, определяющая практику лесопользования, респондент определяет так: *«Нас учили в техникуме, что специалисты лесного хозяйства нужны, в первую очередь для того, чтобы обеспечить нужды государства древесиной»*. Одним из ключевых понятий, определяющих объём лесозаготовок предприятия, является расчётная лесосека, то есть государственно, нормативно определённый объём возможной рубки. В советский период эти расчёты подгонялись под экономические потребности, в том числе военного периода, и не учитывали экологическую составляющую: *«При социализме расчётные лесосеки велись от потребления, то есть рассчитывалось, какие мощности развиты в районе. Никто не считал, как это на экологии и лесоводстве отражается. Лесное хозяйство было в зависимости от партийных директив»*. Вместе с тем, даже в годы пика лесозаготовок на части территорий она недоиспользовалась. По словам респондента: *«Использование расчётной лесосеки в 80-х – начале 90-х годов было кое-где на уровне 70 %»*.

Современные нормы лесоводства основываются на советских нормативах и не являются точными: *«Мы всё время рассчитываем директивным методом, по потребности, потому что экономика государства всё время требует денег, денег и денег. Работаем по нормативам, которые создавались в 30-е – 50-е годы. Ничего не изменилось. Ведём учет древесных запасов опять же теми методами, которыми вели при социализме. Поэтому учет очень приблизительный»*.

Какое же лесопользование в настоящее время? Респондент утверждает: *«Сегодня в нашем государстве никто толком не скажет, сколько же у нас древесины, что у нас вообще творится в лесу. Весь абсурд в том, что при социализме вели примерный учёт. У нас допускалась ошибка плюс-минус 10 %. Вот представьте себе, с тысячи кубометров на сто кубометров можем ошибиться, то есть заготовитель получает разрешительные документы, идёт в лес и заготавливает такое количество древесины, о котором никто ничего не знает. Это только его хозяин знает, сколько древесины он заготовил. А госорганы, которые лесом управляют, не знают»*.

На примере этого полуструктурированного интервью с экспертом можно проследить, как конструируется путь развития советского и постсоветского лесопользования. В советский период вплоть до 1960-х гг., несмотря на всё возрастающую потребность в древесине, объём лесозаготовок не оказывал существенного воздействия на окружающую среду: *«Вы знаете, что у нас раньше было плановое социалистическое хозяйство, стране нужна была древесина в большом количестве, в первую очередь для экспорта. До 30-х годов страна была разрушена, и после Великой Отечественной войны снова всё надо было восстанавливать. Населенные пункты, промышленные предприятия, всё это требовало древесины. Кроме этого нужно было увеличивать экспорт древесины, чтобы государство зарабатывало валюту. На валюту приобретали оборудование, строили заводы. Понятно, что объёмы в то время всё равно были незначительные»*.

Рубки, в основном, велись выборочные, вручную, делянки были небольшими, если вдоль рек, то летом и был сплав, если зимой, то вывозка производилась на ло-

спадях. Тогда лесозаготовка была не просто тяжелый ручной труд, а в большинстве случаев труд принудительный. На лесозаготовку по плану и разнарядке направляли колхозников или заключённых: *«В 30-е годы уже при Сталине тут был Северлаг. Задача была силами заключенных вести заготовку дровяной древесины для нужд Санкт-Петербурга. Там начиналось строительство метрополитена, требовалось огромное количество рудничной стойки, начали развиваться предприятия с первичной переработкой древесины, заодно мебель начали изготавливать. Санкт-Петербург требовал все больше и больше древесины. Колхозы везде были созданы в 30-е годы, и у колхозов было партийное задание, государственный план по заготовке определенного объёма древесины в зимний период».*

С 1960-х до 1980-х гг. произошла модернизация: *«Появились трактора, бензопилы, узкоколейные железные дороги и тепловозы начали строить в большом количестве, автомобильные дороги круглогодического действия. Объёмы заготовки начали возрастать. Если в 60-е годы объём заготовки в районе доходил до полумиллиона кубометров, то уже к 80-м достиг больше миллиона кубометров».* Пик лесозаготовок пришёлся на 1980–1990 гг. Произошёл новый виток модернизации техники и технологий. Были внедрены современные технологии: *«Использовались уже механизмы, которые освобождали человека от ручного труда, то есть валочно-пакетирующие машины были на базе тракторов созданы, сучкорезные машины высокопроизводительные, лесовозный парк был довольно-таки развит, потом нижние склады вели переработку круглосуточную, погрузочный транспорт подвижной был развит, железнодорожный и речной тоже. Поэтому это всё создало предпосылки для увеличения объёма лесозаготовки».*

Происходило расширение и углубление проторенного пути, основанного на экономическом росте. Оба этапа модернизации повышали экономическую эффективность, но и увеличивали нагрузку на природу, способствовали развитию неустойчивого лесопользования: *«Основной ущерб экологии начали наносить после 60-х годов, когда начала развиваться бурно механизация. В частности, по узкоколейной железной дороге рубили, там вообще сроков примыкания не было. Строили узкоколейку, достроили до стенки леса и рубили на ширину 500 метров по хвойному хозяйству, а по лиственному – до километра на ширину, правила разрешали. Опять до стенки протянули железную дорогу, и опять рубили. Представляете, в свою бытность отводил делянки по 300 гектар».* И далее парадоксальное наблюдение: *«При этом почва увлажнена, представьте валочно-пакетирующая машина 20 тонн веса на гусеничном ходу, и вот она ещё тащит пачку хлыстов тонн 5. После использования этой техники на делянку придёшь, а там вообще ни порубочных остатков нет, ни пней. Делянка как танкодром! Вся лесная почва перемешана. Думал, что это вред большой природе, но там возобновление хвойных пород, наоборот, лучшие происходило. По существу минерализация сделана, семена со стенки леса попадали, и возобновление хвойных пород шло. Сегодня эти участки смотришь, где этой машиной заготовка велась именно в летний период, там лес вырос прекрасный без участия человека. И наоборот, на зимних делянках требовались большие затраты, чтобы провести лесовосстановление».*

Ещё одной характерной чертой советского периода была плановая поддержка государством развитие лесного хозяйства: *«Проводились большие работы по лесовосстановлению, закладывались питомники, создавались прекрасные лесные культуры. Нельзя говорить, что по всей площади весь создававшийся после вырубок лесокультурный фонд искусственно восстанавливали, но усилия были правильные, поэтому продуктивные».*

Для начала периода реформ характерен развал лесной промышленности, так как были разорваны хозяйственные связи советского периода. Глубокой переработки во многих лесных районах, в том числе там, где описывает респондент, не было. Государственное финансирование лесных предприятий прекратилось: *«Если вспомнить 93-й – 94-й год, использование расчетной лесосеки было где-то на уровне 20-ти, максимум 30 %»*. Потом лесная промышленность была приватизирована, снова начали налаживаться хозяйственные связи, увеличиваться экспорт, восстанавливаться и модернизироваться лесопереработка: *«Постепенно за десяток лет это всё развилось до прежнего уровня, в 2000–2002 годах объём лесозаготовки по району по всем заготовителям и по лесхозам был в пределах миллиона кубометров, и это для нашего района предел»*. Респондент объясняет нерентабельность лесных предприятий в большинстве случаев из-за необходимости строительства новых дорог и большого расстояния вывоза, а также низкими возможностями местного сбыта и вывозки за пределы района.

Российская реформа государственной системы управления лесами, происшедшая с 2000 г., привела к фактической ликвидации государственной системы лесного хозяйства. Новый Лесной кодекс Российской Федерации, принятый в конце 2006 г., возложил всю ответственность за ведение лесного хозяйства на лесозаготовителя – арендатора. Эта ответственность связана, в первую очередь, с большими финансовыми затратами, которые требует лесоводство. Если учесть, что в последние несколько лет произошло резкое снижение рентабельности лесозаготовительных предприятий Северо-запада России, и прибыли они практически не получают, то становится понятным, что средств на ведение лесного хозяйства они фактически не имеют. Поэтому обеспечение устойчивого лесопользования за счёт лесовосстановления и других работ в лесу, при современных методах лесозаготовки, на многих лесных предприятиях ставится под вопрос.

Вот как прокомментировал современную ситуацию наш респондент, работающий в настоящее время уже в подрядной организации, которую арендатор нанимает для ведения лесоводства: *«Ведём подготовку почвы. В молодняках уход за культурами не ведём. Противопожарные работы кое-как сделали. По существу, всё лесоводство встало, паралич полный. И не из-за того, что арендаторы не хотят, а из-за того, что у них средств нет. То есть его сегодня поставили перед выбором: или последние остатки средств на ведение лесного хозяйства истратить или не вести его. Другого-то им не дано»*. Эта оценка ситуации не только подытоживает нынешнее состояние лесопользования, но и служит прогнозом будущего истощения леса как ресурса, пусть даже потенциально возобновимого.

Дискурс о практиках устойчивого лесопользования. В предыдущем параграфе была дана картина современного состояния лесопользования в России в целом. Отметим, что истощительное лесопользование практиковалось в XX в. практически во всех индустриально развитых странах. Постепенно эта практика перешла в развивающиеся страны. Это связано как с ростом потребления внутри самих стран, так и с всё увеличивающимся уровнем экспорта изделий из древесины в развитые страны. Естественно, в развивающихся странах лесная индустрия всё время модернизировалась, и стимулом модернизации являлся спрос населения развитых стран.

Постепенно практики и отношение к лесу в развитых странах изменились и стали более устойчивыми, то есть модернизация стала экологической. Однако практики промышленных лесозаготовителей в таких основных лесных массивах планеты, как леса Амазонки, Южной Африки и Юго-Восточной Азии, Северо-Запада России, Сибири и Дальнего Востока, по-прежнему вели к истощению лесных ресурсов и уничтожению связанной с лесом традиционной культуры коренных жителей и ма-

лочисленных народов.

В противовес сложившейся практике лесопользования международное экологическое движение создало механизмы мотивации перехода к устойчивому лесопользованию. Уже в 1980–1990 гг. стал формироваться экологически чувствительный рынок в странах Европы и США. Международные экологические общественные организации учитывали предпочтения этого рынка и использовали рыночные механизмы. Был создан механизм негосударственного продвигаемого рынком управления лесами [11]. Первым этапом были публично известные экологические акции и организация потребительских бойкотов крупных торговых компаний, покупателей изделий из древесины, которые принесли им значительные убытки. Это заставило бизнес считаться с требованиями общественности.

Параллельно с этими организациями гражданского общества и сетями экспертов в области лесопользования и лесопользования были созданы международные и национальные системы добровольной лесной сертификации, основанные на принятых на международном уровне принципах и критериях устойчивого лесопользования, которые легитимировали практики продвинутых лесных компаний. Они подтверждали, что древесина заготавливалась с соблюдением экологических норм, прав местного и коренного населения, без угнетения трудящихся, то есть что производители продукции экологически и социально ответственны.

К концу 1990-х гг. в России международные и российские экологические общественные организации также стали активно продвигать принципы и практики устойчивого лесопользования. Основными стали Всемирный фонд дикой природы, Гринпис, Центр охраны дикой природы, Международный союз охраны природы, Социально-экологический союз, а также ряд региональных организаций, например, СПОК в Карелии и БРОК на Дальнем Востоке. Для этого использовался широкий спектр методов. Использовались акции прямого действия по спасению старовозрастных и уникальных лесов от лесозаготовителей, международные потребительские бойкоты торговых компаний с всемирно известными брендами. Одновременно российскими общественными организациями стала продвигаться международная система добровольной лесной сертификации по схеме FSC. Была сформирована группа лесопромышленников, заинтересованных в изменении собственных практик лесопользования – Ассоциация экологически ответственных лесопромышленников.

В это же время Всемирный фонд дикой природы финансировал совместно с лесопромышленниками два проекта модельных лесов, где на практике отработывались методы ведения устойчивого лесопользования в России. Одной из основных задач этих проектов была подготовка к сертификации лесопользования по схеме FSC. В случае Псковского модельного леса была сертифицирована лесозаготовительная компания СТФ Струг, а в случае Модельного леса «Прилузь» – Прилузский лесхоз. В рамках последнего был разработан региональный стандарт, одобренный правительством республики Коми и региональными госорганами управления лесами. Одновременно оба проекта стали центрами обучения и продвижения добровольной лесной сертификации в России.

Различные методы общественности (от конфронтации до партнёрства) стали постепенно формировать новые дискурсы и практики лесопромышленников. Основным методом внедрения новых практик стала сама FSC-сертификация, а все остальные перечисленные методы помогли создать мотивацию и спрос на сертификацию. Председатель Ассоциации лесопромышленников Поморья выражает необходимость в сертификации так: *«Мы живем в обществе. Не хотим, чтобы общество про нас говорило, что мы уничтожаем леса. Стараемся, чтобы у нас всё было правильно,*

чтобы на нас не смотрели, что мы приходим в лес и надо все забрать. Хотим, чтобы к нам общественность относилась правильно. В связи с этим для предприятий-экспортёров, входящих в Ассоциацию, одной из главных становится задача внедрения современных требований и организацию у себя устойчивого лесопользования. Большинство руководителей лесоперерабатывающих предприятий осознали важность получения сертификата на продукцию с целью удержания её устойчивого сбыта».

Понятие «устойчивое лесопользование» («устойчивое лесопользование») постепенно стало входить в дискурс лесопромышленников и государственных служащих – работников лесного хозяйства. Однако специфика этих акторов обусловила, в первую очередь, экономическую интерпретацию понятия. Директор Подпорожского лесхоза Ленинградской обл. объяснил устойчивое лесопользование: *«Мы, практики, понимаем термин «устойчивое лесопользование» так, что на определённой территории должна быть обеспечена непрерывная заготовка древесины многие столетия».* Таким образом, экологические общественные организации стали основными акторами, способствующими смене привычной колеи, переходу к устойчивому лесопользованию и экологической модернизации лесной отрасли для расширения адаптивных возможностей лесных экосистем и местных сообществ [12]. Международный институт устойчивого лесопользования был перенесён в Россию.

Институционализация устойчивого лесопользования происходила через адаптацию международных стандартов усилиями Национальной инициативы FSC, Национального офиса FSC и региональных рабочих групп по продвижению добровольной лесной сертификации. В процесс включились консультанты из различных научных организаций и аудиторских компаний. Однако создавались методические рекомендации, разъяснительные и информационные материалы, зачастую не согласованные с Национальной инициативой FSC. С одной стороны, такие усилия являлись поддержкой процесса институционализации устойчивого лесопользования, с другой стороны, различная интерпретация понятий вносила путаницу.

Национальная инициатива FSC должна была адаптировать международные стандарты в разноклиматических регионах России, наполнить международные понятия содержанием, соответствующим российской специфике. Для решения этих задач сформировалось сообщество экспертов, заинтересованных в развитии устойчивого лесопользования. Оно состояло из представителей общественных организаций, научных учреждений, властных и коммерческих структур. Таким образом, основные акторы из общественного сектора, продвигающие устойчивое лесопользование, начали его институционализацию в России и создали в 2005 г. специальный законотворческий орган – Национальную инициативу FSC. Роль исполнительного органа взял на себя сформированный в этом же году Национальный офис FSC. При этом контролирующую роль выполняли аудиторские компании, которых в свою очередь контролировал спецотдел Лесного попечительского совета, эксперты научных организаций, госорганы управления лесами и управляющие компании самих лесных холдингов (внутренний аудит). В контроле также участвовала стратифицированная группа сельских жителей на местном уровне (местная общественность), знавшая о выгодах и преимуществах добровольной лесной сертификации и популяризовавшая её принципы среди различных групп местных лесопользователей [13].

Одной из составляющих института устойчивого лесопользования стали Национальные стандарты FSC. Они создавались и апробировались более восьми лет, после чего в конце 2008 г. находились в конечной стадии процесса аккредитации и в 2009 г. вступили в силу. Поскольку в соответствии с международными правилами FSC в Национальную инициативу FSC входили представители общественных, научных и бизнес органи-

заций, представлявшие различные интересы, процесс разработки национальных стандартов стал платформой для широкой дискуссии по интерпретации понятий, принципов и критериев устойчивого лесопользования. В результате национальные стандарты стали развёрнутой и согласованной с различными группами интересов версией международного негосударственного лесного закона, адаптированного для России.

Второй составляющей института устойчивого лесопользования в России и новым актором его продвижения стал Российский национальный офис FSC. Необходимость его диктовалась тем, что сертификация по схеме FSC российских лесных компаний и их предприятий стала массовой. Международные аудиторские компании, аккредитованные при FSC – третья составляющая института устойчивого лесопользования и актор его продвижения. Поскольку по правилам FSC до принятия национальной версии международных стандартов устойчивого лесопользования сертификационные аудиты проходят на основе интерпретаций стандартов, существующих в разных аудиторских компаниях, одной из проблем институционализации стало различие их подходов и требований.

Столкновение дискурсов и практик иностранных и российских аудиторов, руководства лесных компаний, взглядов чиновников из госорганов управления лесами, а также различных групп местных лесопользователей привело к тому, что качество и содержание сертифицированной системы лесопользования сильно отличалось у различных компаний. В результате у некоторых компаний были конфликты с коренными народами, местным населением, общественными организациями.

Всё время стояла проблема унификации требований аудиторов и интерпретируемых ими понятий FSC-сертификации (например, «леса высокой природоохранной ценности», «коренные народы», «местное население» и другие). Для этого Национальный офис FSC совместно с Национальной инициативой FSC стал проводить регулярные встречи, семинары, круглые столы, совещания и конференции с представителями аудиторских компаний, где обсуждались наиболее проблемные моменты сертификации. Предлагались определённые интерпретации понятий, что, по сути, являлось формированием нового для России дискурса о практиках устойчивого лесопользования. В результате выработывалось общее представление, как надо заниматься устойчивым лесопользованием, которое затем через аудиты распространялось и на практики лесных компаний.

Кроме того, почти за 10-летний период развития FSC-сертификации в России появилось много научных организаций и отдельных экспертов, оказывающих консультационные услуги. Эксперты стали всё больше влиять на практическую реализацию критериев FSC, то есть они стали важными акторами. Однако качество и содержание консультационно-экспертных услуг сильно отличалось. Оно во многом зависело как от практического опыта и образования самого эксперта, так и от того, насколько тесно он сотрудничал с Национальной инициативой FSC и разделял выработанные там интерпретации и взгляды, входил в их дискурсивную группу.

В этой ситуации институционализация устойчивого лесопользования пошла путём создания документов в виде приложений к национальному стандарту FSC – по сути «подзаконных актов» этой схемы сертификации. Например, были написаны и добавлены в конце к стандарту ключевые требования по выделению и сохранению лесов высокой природоохранной ценности, в том числе рекомендации по выполнению социального блока сертификации [14]. Эти документы были созданы экспертами Национальной инициативы FSC, затем обсуждены среди аудиторов и лесопромышленников, доработаны и предложены лесопромышленникам как руководство к действию при подготовке к сертификации и аудите.

Большое внимание было уделено обучению специалистов в области добровольной лесной сертификации. В столице и большинстве региональных вузов студентам лесных факультетов была предложена специализация в этой области [15]. Таким образом, представления и опыт экспертов были включены в формирование института устойчивого лесопользования. Кроме упомянутых документов, эксперты подготовили ряд подробных региональных методических рекомендаций по выполнению различных принципов FSC для лесопромышленников, госорганов управления лесами и других лесопользователей [16, 17].

Одновременно Национальный офис FSC провёл анкетирование, отбор и регистрацию национальных экспертов-консультантов FSC. Составление такого списка должно было выделить для лесопромышленников тех экспертов, которые могли консультировать в соответствии с позицией национальных органов FSC. Создание специальных документов, методических рекомендаций, встречи с аудиторами и регистрация консультантов привели к улучшению качества аудитов, унификации и формализации практик устойчивого лесопользования в случаях сертификации компаний.

Всеобщими усилиями в России был создан институт устойчивого лесопользования с хорошо развитой структурой. Он существовал параллельно с государственной системой лесопользования и дублировал её. Можно провести параллели между Лесным кодексом с его подзаконными актами и Стандартом национальной инициативы FSC с его приложениями и рекомендациями, иерархической структурой госорганов управления лесами и сетевой структурой контроля и реализации принципов FSC.

Эта новая институциональная структура действует в России на основе рыночных и глобализационных механизмов, созданных для сохранения и воспроизводства лесов. Поскольку новый институт устойчивого лесопользования способствовал экологической модернизации и заставлял лесопромышленников менять привычный путь деятельности, он вступил в противоречия со старой государственной системой управления и контроля за лесопользованием. Ведь старая российская система, как было показано, служила основой неустойчивому лесопользованию, и её трансформация в период экономических реформ, особенно начиная с 2000 г., выглядит как разрушение структур государственного лесного контроля и управления.

Столкновению дискурсов власти, бизнеса и общественности. Первый принцип FSC предусматривает соблюдение законов страны, где сертифицируется лесное предприятие или компания. Однако международные экологические и социальные требования сертификации превышают требования российского законодательства, тем самым, вступая в противоречие с конкретными нормами и правилами лесопользования. В то же время толкование национального государственного законодательства зачастую может быть многозначным. Поэтому конструкт о противоречии между требованиями российских законов и FSC основывается, в первую очередь, на различиях в представлениях и дискурсах тех, кто продвигает FSC-сертификацию, и тех, кто следит за соблюдением российского лесного, экологического, трудового, налогового и прочего законодательства.

Если представители госорганов, связанных с лесным хозяйством, проникаются идеями сертификации, то практически все противоречия можно снять. Начальник Вологодского государственного лесохозяйственного предприятия, являющийся консультантом региональной группы по сертификации, говорит об этом так: *«Сами принципы FSC вполне универсальны, и они все выполнимы. Там нет ничего противоречащего нашим законам, нашему образу ведения лесного хозяйства, нашим способам лесозаготовок. Это принципы, которые показывают, что я выполняю все законы и веду лесное хозяйство так, чтобы оно не нарушало экологию, биоразнообразие,*

особо охраняемые виды растений и животных, ценные природоохранные и культурные территории. То есть я веду хозяйство так, что оно имитирует естественные природные процессы, а я выбираю полезные элементы в виде древесины и других каких-то продуктов». Далее он показывает пример, как можно обойти противоречия на практике: *«Наша нормативная база достаточно противоречива. С одной стороны, в Лесном кодексе есть, что надо сохранять биоразнообразие. С другой стороны, те же правила рубок главного пользования или правила отпуска леса на корню говорят, что это биоразнообразие находится в части леса, которую надо в первую очередь убирать. Там говорят, что сначала надо убрать сухостой и ветровал с буреломом, а потом уже брать деловую древесину. Но модельные леса всё же сертифицировали, потому что в республике Коми руководство Главного управления лесами с достаточным пониманием отнеслись к этим проблемам. Если это противоречие не обойти искусственно, то невозможно ничего продвинуть вперед».*

Отсутствие концепции устойчивого лесопользования на государственном уровне приводит и к отсутствию такого дискурса у государственных чиновников. Новый Лесной кодекс, вступивший в силу с января 2007 г., не заполнил эту брешь, поскольку мнение продвигающих устойчивое лесопользование общественных организаций и продвинутого лесного бизнеса, в нём не было учтено. Председатель Ассоциации промышленников Поморья комментирует это так *«Это несовершенная нормативная база с точки зрения международных требований к устойчивому лесоводству. Нет в России единой концепции устойчивого управления лесами, которую бы составили учёные, политики, бизнесмены и общественность. В результате Лесной кодекс создаётся кулуарно, никто из нас не участвовал в его создании и обсуждении, пока он не появился на первом чтении. Каждая группа лесопользователей видит только один аспект, а предполагается, что выполнять этот кодекс будут все группы. Поэтому обсуждение и выработка концепции устойчивого лесопользования просто необходима. И потом уже должен появиться Лесной кодекс как результат договоренности сторон».*

В результате в Лесном кодексе слово *«устойчивое»* встречается три раза в словосочетаниях *«устойчивое управление лесами»*, *«устойчивое получение древесины»*, *«устойчивое развитие»*. При этом концепция устойчивого лесопользования отсутствует. Между тем, окончательная институционализация и внедрение в общую повседневную практику требований устойчивого лесопользования возможно только при участии государства. Это создаёт барьеры на пути тех лесопромышленников, которые хотят работать по международным принципам устойчивого лесопользования.

Отмечу, что на российских лесных предприятиях, ставших частью крупных международных лесных компаний, внедрение сертификации происходит более последовательно и планомерно. Поскольку эти компании уже давно работают в мире в рамках нового пути, учитывающего аспекты устойчивости, устойчивое лесопользование стало частью их официальных политик. Одновременно бизнес-культура этих компаний требует, чтобы общая политика и новые практики были освоены, осмыслены и приняты всем персоналом от руководства до рабочих. Таким образом внедряется и лесная сертификация. В этом случае на предприятии уже не возникает борьбы дискурсов и внутренних барьеров для внедрения новой практики устойчивого лесопользования. Лесничий Олонецкого лесхоза Республики Карелия говорит о российской компании, вошедшей в международную так: *«Они, конечно, по сравнению с российскими предприятиями, как день и ночь. Их и любую российскую компанию возьмите – это совершенно разная психология, отношение, подходы к ведению лесного хозяйства и заготовок».*

Рассмотрим на примере нескольких конкретных понятий, каким образом сталкиваются дискурсы и практики различных акторов.

Малонарушенные леса. Одним из требований FSC-сертификации является сохранение различных категорий лесов высокой природоохранной ценности. Одна из категорий это малонарушенные леса. Ещё их называют старовозрастными или девственными. Столкновение мнений об этом понятии и предлагаемых практиках лесопользования в таких лесах происходит уже в течение многих лет. Сохранение малонарушенных лесов было в фокусе особого внимания международных экологических и социальных общественных организаций ещё до внедрения по миру добровольной лесной сертификации. Именно по поводу рубок в этих лесах, законных с точки зрения зарубежного и российского законодательства, были акции Гринпис и международные потребительские бойкоты.

Это понятие было новым для российской общественности, лесозаготовителей и госорганов. Наоборот такие леса назывались «спелыми» и «перестойными». И дискурс был таков – «их надо рубить». Вставшим на путь сертификации лесозаготовительным предприятиям при этом приходилось сталкиваться как с непониманием среди собственного руководства, ведь все имеющие лесное образование знали, что эти леса надо рубить, так и с непониманием в госорганах управления лесами, министерстве природных ресурсов, правительстве и Думе. Проводимое экологическими общественными организациями информирование о необходимости сохранения малонарушенных лесов, как правило, достигало представителей госорганов федерального и регионального уровня и в меньшей степени касалось местного. А ведь лесные предприятия как раз работают с лесхозами и лесничествами именно в районах.

Приведу несколько примеров дискурсов по этому поводу, принадлежащих различным представителям госорганов управления лесами.

Мнение об оставлении малонарушенных лесов нетронутыми показывают различные аспекты этой проблемы. Во-первых, считается, что оставление таких лесов это лишение населения экономической выгоды. Директор Онежского лесхоза Архангельской области высказывается категорично: *«Позиция, что старый лес не надо использовать, это абсурд полнейший, потому что район живёт, в основном, от леса. И люди, в основном, работают в лесу. Лес должен работать на население, которое проживает в лесу. А так что же, лес оставлять, чтобы он потом подох, погиб?! Это не правильно».*

Во-вторых, есть непонимание пользы от сохранения малонарушенных лесов или это считается перегибом. Лесничий Малошуйкского лесничества Архангельской области рассуждает: *«Говорят, что надо оставлять малонарушенные леса. Но я практически не знаю, есть ли польза от них для нашей местности. Сомневаюсь, что нужно в каждом месте оставлять несколько гектар малонарушенных, девственных лесов. Ёлка или сосна после 100 лет всё равно свалится. Я считаю, что это просто перегиб со стороны FSC. Подавай им здесь девственные леса. Нет их здесь!»*

В-третьих, довольно широко распространён дискурс, что сохранение малонарушенных лесов это специальная стратегия конкурентов для ослабления экономики России. Лесничий Емецкого лесничества Архангельской области говорит: *«Они вмешиваются в законодательство, тот же Гринпис и зелёные. Сертификаторы, которые тут действуют, они тоже вмешиваются в законодательство. Они говорят, что нельзя рубить старовозрастные древостои. Вот посмотрите, это Архангельская область, а вот это наш Емецкий лесхоз. А вот их ГИС-карта. Вот эта часть левобережья реки Двины вся вырублена. А вот остались старовозрастные кусочки. Вот по этой сертификации выборочные рубки надо доводить до 20-25%. А*

наши правила – там диаметр стволов 0,6 метра и выборочные рубки там никак нельзя назначать. Потому что там оставшийся древостой повалится просто-напросто, потому что там ёлки, и корневая система вся поверхностная. Это не условия, которые у них там, на западе в Швеции. Хотят китайцы вытеснить нас с рынка. И я считаю, что они тому же Гринпису проплачивают, чтобы они нам мешали. А старовозрастные леса не рубить – это уже прямое вмешательство в наше законодательство».

В результате экономический фактор – недоиспользование лесных ресурсов играет наиболее существенную роль для госструктур. По мнению начальника Главного управления природными ресурсами Архангельской области: «*Больших претензий к сертифицированным предприятиям у нас с точки зрения лесохозяйственной деятельности, принятой в России законодательно, в общем-то, нет. У нас основные претензии в том, что они не выполняют расчетную лесосеку. Это экономический фактор, он для нас значительный. То есть сначала с нами они планировали одно, а потом их склонили к мораторию на участки леса высокой природоохранной ценности, плюс у них поменялся план рубок в связи с их сертификацией в сторону снижения объёмов рубок. Это уже мы с ними более-менее согласовали. Сложнее дело обстоит с оставлением больших участков лесов высокой природоохранной ценности. По этим лесам у нас с зелёными пока проблемы. И с определением расчетной лесосеки предприятия есть поэтому проблемы. Здесь, в основном, мы занимаем жёсткую позицию. Принятие решения по переводу лесов из второй группы в первую прерогатива Российской Федерации. Если они записаны лесопромышленниками во вторую группу, и проходят по всем документам как леса второй группы, то они эксплуатационные. Никто их из этой группы не исключит, и не разрешит за их аренду не платить. Те, у кого в арендной базе эти леса, должны платить за них аренду, пока они не будут переведены в разряд особо охраняемых природных территорий или в категорию особо защитных участков. В этой ситуации ничего сделать нельзя».*

Таким образом, международный институт устойчивого лесопользования ставит сертифицированные лесные предприятия сохранять малонарушенные леса, однако госорганы никак этому не способствуют – предприятия платят за аренду этих участков и штрафы за недоруб.

Ключевые биотопы. Другой пример столкновения практик старого и нового социальных институтов это выделение ключевых биотопов. Такая практика и такое понятие также отсутствовало до FSC-сертификации, как у лесных предприятий, так и у госорганов управления лесами. Оно также стало входить в дискурсы и практику благодаря различным семинарам по теме добровольной лесной сертификации, организованных международными экологическими общественными организациями, где участвовали лесопромышленники и представители госорганов управления лесами.

В некоторых регионах, особенно там, где сразу возник спрос на FSC-сертификацию и экологические общественные организации проводили большую информационную работу (например, в Архангельской области), региональные госорганы были готовы легитимировать выделение ключевых биотопов в рамках законодательства, то есть рассматривать их как неэксплуатационные участки. Настроенные лояльно к сертификации госорганы сразу нашли возможность вписаться в законодательство. Начальник Главного управления природными ресурсами Архангельской области поясняет: «*Ключевым биотопом может являться как лес где-то в низине, в болотине, у ручья, каменистый участок. Эти участки низкопродуктивные, и по правилам рубок выделяются внутри делянки как неэксплуатационные. Единственно, что раньше лесопользователю лесхоз при отводе лесосеки прощал их*

оставление, не обращал на них внимание, потому что они, как обычно, были небольшие. Крупные неэксплуатационные участки фиксировались документально. Теперь в связи с тем, что нужно выделять ключевые биотопы, появилась возможность неэксплуатационные участки записывать как ключевые биотопы».

Однако ключевым биотопом мог быть и эксплуатационный участок: «Ключевой биотоп может состоять из компактно стоящих крупных деревьев с большим запасом древесины. Как правило, такие ключевые биотопы не выделяются. Хотя в нашем законодательстве есть возможность отдельно стоящие крупные деревья оставлять как семенники, а это обычно сосна или ель. На высокопродуктивные участки с компактно стоящими спелыми деревьями нужно брать у нас разрешение или оформлять такие действия как временный эксперимент. Поэтому оставлять ключевые биотопы можно. Но не на 100% все их виды».

Иногда лесное предприятие шло на то, чтобы всё-таки оставлять все виды ключевых биотопов и платить штрафы за недоруб. Однако и здесь возможен компромисс: «Предприятие может пойти на то, что высокопродуктивные участки оставляет, наше законодательство считает это недорубом, и штрафует предприятие. Но при этом предприятие выигрывает от того, что оно выполнило условия сертификации, и за это получило сертификат со всеми его выгодами. Или же всё-таки мы оформляем такие участки как группы семенников или семенные куртины».

Сложности вызывает оставление и сухостойных деревьев, поскольку здесь действовали сразу два российских закона – лесной (правила рубок) и трудовой (правила техники безопасности), в соответствии с которыми оставлять сухостой опасно для работающих: «Есть санитарные правила по лесам, и там сказано, что сухостойные фаунные, валёжные и буреломные деревья убирать. Но можно делать в этом и исключения. В другом месте сказано, что такие деревья с декоративной кроной и с дуплами могут оставаться в виде исключения». Решение оставить их или нет принимает даже не лесхоз, а лесничий на месте при выделении участка. Однако лесничие обычно не хотят брать на себя ответственность: «Право такое у него есть, но они им очень редко пользуются. И у лесничих сформировался даже своего рода стереотип, что это нельзя делать. А на самом деле можно, на это не нужно писать разрешение. И, пользуясь неконкретностью законодательства, без всяких разрешений особых можно и это правило сертификации выполнять».

Если региональные госорганы признают необходимость оставления ключевых биотопов, то, как правило, и местные лесхозы этому следуют. Лесничий Онежского лесхоза Архангельской обл. говорит: «Если проводились в лесничествах рубки с учётом разногласий правил рубок, то мы запрашивали разрешение Управления. То есть если оставались, например, сухостой и сломыши, то Управление лесами давало на это нам соответствующее разрешение и согласование. Понятно, что для нас это ново. Мы привыкли работать по тем правилам, которые пока еще действуют». Наоборот, на тех территориях, где сертификация не была массовым явлением, и где экологические общественные организации не проводили специальную работу с региональными госорганами управления лесами, или там на уровне местных лесхозов это проявлялось в негативном отношении к выделению биотопов. Директор Подпорожского лесхоза Ленинградской обл. объясняет: «Что значит биотоп? Мы выписали разрешительные документы, затем приняли деланку. Там написано, что арендатор всё должен вырубить, и он всё вырубает. Если что-то под названием биотоп оставил, то ему будут штрафные санкции. Чисто теоретически эта работа проводилась, то есть проводились семинары про опыт Псковского модельного леса. Мы понимаем, что это такое, но мы не можем работать с этими биотопами,

потому что они не узаконены». Некоторые представители госорганов управления лесами считают, что следовать всем правилам сертификации в плане оставления биотопов не реально. Лесничий Малошуйского лесничества Архангельской обл. уверен: «Если будем вокруг каждого болота, каждого водотока оставлять деревья, тогда рубить негде, надо закрывать все предприятия».

На примере столкновения мнений и практик по двум понятиям – «малонарушенные леса» и «ключевые биотопы», становится понятно, что внедрение новых правил и понятий с помощью FSC-сертификации происходит с трудом. Отсутствие в законодательстве многих понятий, которыми оперирует сертификация, тормозит её реализацию. В то же время, негосударственные акторы, вовлекая госорганы в обучающие программы, устраивая их представителям ознакомительные поездки по российским и зарубежным модельным лесам, создают новый неформальный канал институционализации устойчивого лесопользования.

Формальный закон неформально переосмысливается и приспособливается для удовлетворения международных требований устойчивого лесопользования. При этом формальной гармонизации национального закона и международных требований не происходит. Ведь, несмотря на все усилия общественности, бизнеса и лояльно настроенных к добровольной лесной сертификации представителей власти, в новый Лесной кодекс, правила заготовки древесины и другие подзаконные акты новые понятия устойчивого лесопользования за последние годы так и не были введены, лесное законодательство так и осталось не модернизированным.

Заключение. Современная общепринятая практика лесопользования российских лесозаготовительных предприятий и их управляющих компаний не является устойчивой, поскольку экономические интересы всецело преобладают над экологическими и социальными. Благодаря международным экологическим общественным организациям проторенный путь, по которому шёл лесной бизнес, в результате внедрения добровольной лесной сертификации был изменён. Новый путь в виде новых практик лесного бизнеса повлиял на дискурс чиновников госструктур. Однако, лесное законодательство, контроль за соблюдением которого лежит на госорганах управления лесами, несмотря на радикальную перемену (оно стало за последнее десятилетие гораздо более рыночным), осталось в прежней колее. Таким образом, первый барьер представляет собой государственные законы и госструктуры, которые в большей степени, чем всё остальное, тормозят институционализацию устойчивого лесопользования и экологическую модернизацию лесного сектора в России.

Внедрение новых понятий сертификации тормозится зачастую руководством и персоналом самих российских лесных предприятий. Руководители и сотрудники, имеющие большой опыт работы на лесных предприятиях в советский и постсоветский период и выученные в традициях «старого» лесопользования, зачастую с трудом воспринимают экологические требования международной добровольной лесной сертификации, не понимают и не принимают социальные требования, основанные на консультациях с местным населением и коренными народами, со всеми группами различных лесопользователей и заинтересованными сторонами всех вопросов, видов и планов лесопользования. При этом происходит столкновение дискурсов и практик тех менеджеров, которые являются проводниками сертификации и её противников, которые относятся к сертификации как к очередной формальной процедуре. Эта борьба двух подходов внутри самого лесного бизнеса является вторым барьером для внедрения устойчивого лесопользования.

Внедрение сертификации по схеме FSC в России является стимулом формирования нового института устойчивого лесопользования. Примерно за 10-летний пери-

од внедрения сертификации произошла институционализация и адаптация устойчивого лесопользования в России. Однако пока нельзя утверждать, что сертификация полностью привела к устойчивому лесопользованию. На практике существуют лишь фрагменты в виде территорий устойчивого лесопользования и фрагментарные социальные сетевые пространства системы устойчивого лесопользования, которые доступны для тиражирования при настоящем уровне законодательства, экономических практик и образования кадров. Введение устойчивого лесопользования в образование российских кадров лесной отрасли усилит в будущем институционализацию практик устойчивого лесопользования.

Литература

1. Экосоциология. – <http://www.ecosociology.org>.
2. Kulyasov I. P. Building trust in the process of localization of global forest certification // *Russia and Europe: from mental images to business practices*. – *Kyumenlaakson: Univ. Appl. Sci.*, 2010. – P. 110–130.
3. FAO Corporate document repository. Issues and options for international instruments to support sustainable forest management. State of the world forests. 1999. – <http://www.fao.org/docrep/w9950e/w9950e10.htm>.
4. Тысячнюк М. С., Конюшатов О. А., Кулясова А. А., Кулясов И. П., Тесля И. В. Рекомендации по социальным аспектам сертификации по схеме Лесного попечительского совета (FSC). – Вологда: Полиграфист, 2009.
5. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance: A new economic history. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1990.
6. Strategic Choice and Part-Dependency in Post Socialism. Institutional Dynamics in the Transformation Process. – L.: E. Elgar Publ., 1995.
7. Кулясова А. А., Кулясов И. П., Котилайнен Ю. Современное гибридное управление лесным сектором России // *Социология и социальная антропология*. – СПб.: Интерсоцис, 2006. – Т. 9. – Спецвып. – С. 81–112.
8. Кулясов И. П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // *Социология и социальная антропология*. – 2005. – № 3. – С. 100–113.
9. Keskitalo C., Kulyasova A. A. The role of governance in community adaptation to climate change // *Polar Research*. – 2009. – Vol. 28. – № 1. – P. 60–70.
10. Kotilainen J., Tysiachniouk M. S., Kulyasova A. A., Kulyasov I. P., Pchelkina S. S. The potential for ecological modernization in the Russia: Scenarios from the forest industry // *Environmental Politics*. – 2008. – Vol. 17. – № 1. – P. 58–77.
11. Cashor B., Auld G., Newson D. Governing Through Markets: Forest Certification and the Emergence of Non-State Authority. – New Haven, L.: Yale Univ. Press, 2004.
12. Kulyasova A. A., Kulyasov I. P., Stewart Ph. Democratic practices and cultural resilience: how a small people flourished under authoritarianism // *Kettering Review*. – 2009. – Vol. 27. – № 2. – P. 39–50.
13. Кулясов И. П., Кулясова А. А. Конструирование доверия при локализации глобального процесса лесной сертификации: роль НПО и экспертов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2010. – Спецвып. – С. 282–311.
14. Российский национальный стандарт добровольной лесной сертификации по схеме Лесного попечительского совета. – М.: Рос. нац. инициатива ЛПС, 2008. – С. 118–119, 128–130.
15. Кулясов И. П., Кулясова А. А., Тысячнюк М. С. Особенности сохранения культурно-исторического наследия и традиционного образа жизни при сертификации // *Добровольная лесная сертификация*. – М.: WWF России, 2011. – С. 98–100.
16. Кулясов И. П., Кулясова А. А., Овчинников А. В. Особенности ЛВПЦ 5–6

для Архангельской области // Выделение и сохранение лесов высокой природоохранной ценности в Архангельской области. – Архангельск: WWF, 2010. – С. 25–27.

17. Кулясова А. А., Кулясов И. П. Рекомендации по выявлению и сохранению ЛВПЦ 5–6 для Восточной Сибири // Устойчивое лесопользование. – 2011. – № 2. – С. 53–55.